

Тимур Гузаиров (Тарту)

«Клок бороды»: исторические события и художественный образ в пушкинской «Истории Пугачевского бунта»

Как комментировать историческое сочинение, в данном случае — пушкинскую «Историю Пугачевского бунта» (1834)? В своем комментарии¹ Р. В. Овчинников уточняет исторические реалии, указывает на ошибки Пушкина; это — профессиональный историковедаческий, документальный комментарий к отдельным историческим фактам, которые нашли свое отражение в пушкинском труде. Я предлагаю иной подход, цель которого — вскрыть новое качество исторического факта, которое Пушкин создает из известного/неизвестного читателю материала. При анализе повествовательной структуры «Истории» я буду ориентироваться на поиск идеологических точек сопряжения и расшифровку языка фактов.

В «Истории Пугачевского бунта» Пушкин дает такое описание первого столкновения между мятежниками и еще верными правительству яицкими казаками:

18 сентября Пугачев с Будоринского форпоста пришел под Яицкий городок <...>. Двести казаков при капитане Крылове отряжены были вперед. К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. **Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился** (здесь и далее выделено мной. — Т. Г.). Произошел мятеж, и половина отряда тут же переместилась на сторону самозванца <...> [Пушкин: IX (1), 16].

В «Замечаниях о бунте» (переданных Николаю I в 1834 г.) Пушкин констатировал:

Стран. 20. **Первое возмутительное воззвание** Пугачева к Яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более **подействовало**, что объявления, или публикации, Рейнсдорпа были написаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками с глаголами на конце периодов [Пушкин: IX (1), 371].

Обращу внимание на одно обстоятельство: письмо Пугачева не было прочтено казакам (его содержание, скорее всего, стало им известно, но позднее), не оно предопределило измену — именно это утверждается Пушкиным в «Истории». В «Замечаниях» Пушкин допустил фактическую ошибку. Он, вероятно, имел в виду не известный как первый манифест Пугачева, посланный им к яицким казакам, а другой текст. В своих архивных тетрадах Пушкин под первым номером переписал указ к жителям Рассыпной крепости. С исторической точки зрения это письмо является третьим по счету. Оно было и действительно «безграмотным»², и «подействовало»: казаки изменили и сдали крепость.

В «Истории» и в «Замечаниях» так называемое первое письмо Пугачева характеризуется как «возмутительное», что отражает как правительственную, так и авторскую точку зрения на манифесты самозванца в целом. Выбор определения, очевидно, восходит к другому, типологически близкому эпизоду, описанному в находящемся среди пушкинских архивных тетрадей «Журнале Симонова» (коменданта Яицкого городка):

17 февраля кинуту против ретраншементу на лед реки Старицы через нездешнего казака письмо **возмутительное** от Пугачева. Между тем Пугачев с высоты батареи <...> смотрел что будет [Пушкин: IX (2), 504].

Влияние манифестов самозванца на поведение казаков — тема, которая вызывала у Пушкина повышенный интерес, вплоть до того, что в одном случае он отказался от исторической точности.

Пугачев <...> пошел прямо к Илецкому городку и послал <...> атаману Портнову повеление <...> Он обещал казакам пожаловать их крестом и **бородою** (илецкие, как и яицкие, казаки были все староверцы), реками, лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию, угрожая местию в случае непослушания [Пушкин: IX (1), 16].

Пересказ пугачевского письма не совпадает с содержанием подлинного указа самозванца к атаману Илецкой станицы, который Пушкин переписал из архивного дела Секретной экспедиции Военной коллегии. Сравним: «<...> награждены будете, сколько заслуги ваши достойны: и чего вы не пожелаете, во всех выгодах и жалованиях отказано вам не будет <...>» [Пушкин: IX (2), 681]. В настоящем письме Пугачева отсутствуют конкретные обещания казакам. Выбор эпизода, где реконструируется пугачевский указ, представляется закономерным: это описание первой измены казаков, которым было известно содержание пугачевского пись-

ма и которые добровольно сдали городок. Пушкин объединил в одной фразе несколько пугачевских обещаний, скрытых микроцитат из разных манифестов.

В комментарии к этому отрывку Р. В. Овчинников указал, что пожалования «казаков „крестом и бородою“ и „вечною вольностью“ <...> взяты Пушкиным из <...> указа коменданту и казакам Красногорской крепости <...> и из указа яицкому казачьему старшине М. М. Бородину <...>» [Овчинников]. Историк резюмирует: «Подменяя содержание одного указа другим, более ярким, Пушкин, поступаясь исторической правдой, хотел придать большую выразительность посланию Пугачева в Илецкий городок». С заключительным выводом я, однако, не могу согласиться. Решение изменить содержание пугачевского указа было обусловлено не стилистической, а скорее идейной задачей. Пушкин имел основания для подобной трансформации, что привело к созданию обобщенного (но псевдоисторического) текста пугачевского манифеста.

Из архива Военной коллегии Пушкин переписал 15 пугачевских указов. Сравнивая их содержание со своими выписками из других исторических документов, он мог отметить, что участники событий неточно пересказывают пугачевские указы, нередко прибавляют дополнительные пожалования к конкретному манифесту самозванца. Приведу пример из переписанной Пушкиным «Записки полковника Пекарского о бунтах Яицких». Излагая первое «возмутительное письмо» к яицким казакам, Пекарский отметил, что Пугачев «жаловал усами, бородами и рекою Яиком, с вершин до устья» [Пушкин: IX (2), 600]. В подлинном тексте этого манифеста пожалования «усами» и «бородой» отсутствуют [Там же: 681]. Изменив или дополнив пугачевский указ к Илецкому атаману, Пушкин, очевидно, реконструировал восприятие содержания манифестов самозванца в целом — то, как они могли запомниться современникам событий.

Полный перечень пожалований самозванца, которые Пушкин привел в созданной им фразе, частично передавал содержание царской грамоты Михаила Федоровича — так, как она сохранилась в народной памяти. На следствии в Яицком городке (1774) казаки И. Герасимов, Ф. Таликов и А. Чигинахов заявили, «<...> что яицкие казаки помнят грамоту царя Михаила Федоровича, который „позволил <...> пользоваться следующим: рекою Яиком с вершины и до устья и впадающими в нее реками и протоками, рыбными ловлями и звериною ловлею, а равно и солью беспошлинно, также крестом и бородою“» (Цит. по: [Овчинников 1980: 30]). Только в 1835 г., уже после публикации своего труда, Пушкин получил доступ к следственному делу Пугачева. Он мог, однако, узнать о преломлении в народном сознании манифес-

тов самозванца и во время путешествия по пугачевским местам в 1833 г. (хотя его записные книжки не содержат таких фактов).

Это обстоятельство — сближение пугачевского указа с первой царской грамотой к яицким казакам — объясняет прагматику появления рассказа о взаимоотношениях царя Михаила Федоровича и яицких казаков в «Истории Пугачевского бунта». Описание гражданского народного устройства предваряется историей о том, что:

<...> казаки чувствовали необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Федоровича послали от себя в Москву просить государя, чтоб он принял их под свою высокую руку. <...> Царь обласкал новых подданных и пожаловал им грамоту на реку Яик <...> и позволил им *набираться на житье вольными людьми* [Пушкин: IX (1), 8].

Другими словами, в изложении Пушкина процветание казаков основывалось на уважении царя к своим подданным, даровавшего им определенные права и свободы. Отношения между монархом и подданными строятся на соблюдении добровольно заключенного, выгодного для обеих сторон договора. Пушкин трижды подчеркивает значимость этого обстоятельства: во-первых, в перечне содержания первой главы выделено «Царская грамота», во-вторых, в самом тексте упоминается об этом документе, в-третьих, в примечании сообщается об утрате этого и подобных документов. Далее в «Истории Пугачевского бунта» Пушкин подчеркивает, что первой предпосылкой к народному бунту явилось нарушение монархом (Петром I) сложившихся условий жизни. В основе конфликта, таким образом, лежит нарушение договорных отношений, невозможность их восстановления вследствие попрания одной, правительственной, стороной законных прав другой.

Вторая глава пушкинской «Истории», с которой начинается описание пугачевского восстания, открывается знаменательной фразой: «В смутное сие время...» Выбранное Пушкиным определение событий 1773–1775 гг. могло актуализировать читательские ассоциации с сюжетами из русской истории XVI–XVII вв., которые в начале 1830-х гг. были актуальны в исторической драматургии («Борис Годунов»; подробнее см.: [Вацуро: 559–603]), в историографии и востребованы в строительстве официальной идеологии (сусанинский миф). В 1834 г. появилось очередное издание карамзинской «Истории», прерванной на изображении конца эпохи «смутного времени». Н. Г. Устрялов опубликовал «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (1831–34). Открытие Александровской колонны было символически представлено как очередное начало/продолжение прекрасной эпохи,

но 1834 г. оказался скорее неудачным. В отчете Третьего Отделения сообщалось о многочисленных примерах «неповиновения крестьян своим помещикам <...> единственно от мысли иметь право на свободу» [Россия под надзором: 116]. Конфликт между властью и правами народа остался неразрешенным, несмотря на всплеск официальных патриотических манифестаций.

На 1833-й г., в который была сформулирована С. С. Уваровым триада «православие — самодержавие — народность» и создан Жуковским официальный гимн «Боже, царя храни», приходилось 220-летие основания династии Романовых. Смутное время, как известно, заканчивается избранием на престол Михаила Федоровича — того самого, даровавшего яицким казакам царскую грамоту, о которой повествует первая глава «Истории Пугачева». В таком контексте «смутное время» екатерининской или иной эпохи, по пушкинской логике, должно было бы закончиться тем, что монарх, ответственный за достоинство и благо своих подданных, вернет утраченные народом исконные права.

Итак, при реконструкции пугачевского манифеста, обусловившего измену казаков в Илецком городке, Пушкин в одной фразе совместил несколько микроцитат из разных текстов. Историк перечислил все пугачевские пожалования, которые — в созданном структурном единстве — отражали также содержание утраченной царской грамоты Михаила Федоровича, каким оно сохранилось в народном сознании. Таким образом, ряд эпизодов в тексте «Истории Пугачева» оказываются сцепленными между собой на тематическом, стилистическом или мотивном уровне, образуя более общий идеологический узел и выявляя тем самым новый, внутренний смысл в изображенных событиях.

Рассмотрим теперь повествование о волнениях 1771 г., предшествовавших пугачевскому бунту:

Между тем велено было нарядить несколько сот казаков на службу в Кизляр. Узнали, что правительство имело намерение составить из казаков гусарские эскадроны, и что уже **повелено брить им бороду**. Генерал-майор Траубенберг, присланный для того в Яицкий городок, навлек на себя народное негодование [Пушкин: IX (1), 10].

В рукописи «Истории», представленной Пушкиным царю, весь эпизод отсутствует. В наборной рукописи дана только часть этого текста, но фраза о Траубенберге отсутствует. Она, как полагает Чхеидзе, была внесена уже в корректуру. В печатном варианте отрывок заканчивается фразой «Казаки волновались». Подчеркну: эти события декабря 1771 г. не нашли никакого отражения в «Летописи» Рычкова, которая была опубликована среди других

исторических материалов в приложении, во втором томе «Истории Пугачевского бунта».

Пушкин-фактограф добавляет новые сведения к уже известным, реконструируя цельную причинно-следственную цепочку событий, логично и неизбежно приведших к пугачевскому бунту. Пушкин-историк не интерпретирует факты, а только точно передает их канву. Пушкин-писатель в особо значимых случаях стремится к детализации исторических обстоятельств. Передавая хроникальную информацию о волнениях декабря 1771 г., поэт указал на две связанные друг с другом причины недовольства: это не только известный указ Военной коллегии, но также и намерение брить бороды.

Пушкинские архивные тетради содержат выписки из екатерининских манифестов, которые были опубликованы в 1830 г. в Полном собрании законов Российской империи. Поэту мог быть, например, известен манифест Екатерины II от 4 декабря 1762 г., который яицкие казаки, согласно показаниям Пугачева, вспоминали добрым словом. Он был опубликован в 16 томе Полного собрания законов под номером 11720 [Емельян Пугачев: 139; 363]. Суть указа заключалась в том, что находящиеся на службе казаки могли носить бороду.

Таким образом, попытки сформировать гусарские эскадроны из казаков указывали на два обстоятельства. Во-первых, это было оскорбление личного достоинства, так как казаки лишались, согласно гусарскому уставу, права носить бороду. Во-вторых, это было попрание правительством им же данного закона. Как показал Пушкин, именно пренебрежение со стороны правительства, неуважение народных интересов обусловило мятежную вспышку.

На мотивном уровне эпизод, посвященный декабрьским волнениям 1771 г., сопрягается с эпизодом из восьмой, заключительной главы — с описанием встречи графа Панина и Пугачева:

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину <...> «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает». <...> Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него **клок бороды** [Пушкин: IX (1), 78].

Этот сюжет был также описан в «Летописи» Рычкова. Рассказ академика отличается от пушкинской версии, в которой поэт реконструировал диалог между участниками и в которой историк детализировал ответный жест Панина («вырвал у него клоч бороды»).

Ю. Г. Оксман предполагал, что иносказательные слова Пугачева Пушкин взял из неизвестного народного предания. В известной нам исторической песне в уста Пугачева вложены, однако, слова личной угрозы Панину («Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,/ За твою-то бы услугу повыше подвесил!» [Исторические песни: 570]). Эту песнь поэт мог слышать в 1833 г. во время путешествия по местам пугачевского бунта. Генерал Н. Дубровин, автор двухтомного исследования «Пугачев и его сообщники», придерживался отличного взгляда на генезис пугачевского ответа в пушкинской «Истории». По его мнению, поэт сам придумал слова для Пугачева и стилизовал их под народную речь. Точка зрения и Дубровина, и Оксмана не может полностью быть верифицирована или отвергнута. Для меня существенно раскрыть функцию слов Пугачева, как они переданы в пушкинской «Истории».

С одной стороны, пушкинская версия ответа Пугачева Панину подтверждала известный факт, о котором поэт прямо сообщил в своем труде: народные волнения продолжались под знаменами других самозванцев, также выдававших себя за Петра III. С другой стороны, слова Пугачева — «я вороненок, а ворон-то еще летает» — могли актуализировать в памяти читателя николаевской эпохи слухи, появившиеся в 1827 г. Из краткого обзора общественного мнения, составленного Третьим Отделением: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего Мессию, и дали ему имя *Метелкина*. Они говорят между собой: *Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их*» [Россия под надзором: 24]. Исторически конкретные или придуманные Пушкиным слова Пугачева включались в более широкий ассоциативный и тематический ряд, выходящий за пределы текста «Истории Пугачева»³. Пушкин, таким образом, предлагает своему читателю (если воспользоваться терминологией Л. Я. Гинзбург) «художественную интерпретацию истории, проецируемую на современность».

Тексты «Истории» и «Летописи» Рычкова расходятся также в изображении импульсивного ответного поведения Панина по отношению к Пугачеву. Академик Рычков упоминает только «несколько пощечин и ударов» [Пушкин: IX (1), 355], т. е. он буквально следует за рассказом Панина, изложенным им в письме к князю М. Н. Волконскому 2 октября 1774 г. Показательно, что Пушкин не упомянул в примечании этого документа и не привел его в приложении, хотя опубликовал два письма Панина к А. П. Галахову. Поэт опирался на свои записи устных рассказов И. И. Дмитриева, который утверждал: «Панин вырвал клоч из бороды Пугачева — рассердясь на его смелость» [Пушкин: IX (2), 498].

В 1834 г. (в год выхода в свет «Истории Пугачевского бунта») в журнале «Библиотека для чтения» была опубликована статья «Граф Панин». Ее автором был историк Д. Бантыш-Каменский, предоставлявший материалы Пушкину для его работы над «Историей». Рассказ о знаменитой встрече между Паниным и Пугачевым был опущен как в этой статье, так и в напечатанном в «Сыне Отечества» отрывке о Пугачеве из сочинения Броневского «История Войска Донского». В 1836 г. в изданном «Словаре достопамятных людей русской земли...» Бантыш-Каменский изложил панинскую версию события: «несколько пощечин смирили самозванца» [Бантыш-Каменский: IV]. Историк не включил новые, изображенные в пушкинской «Истории», подробности жеста Панина.

В отличие от Рычкова, Броневского, Бантыша-Каменского Пушкин не стремился скрыть неприглядные черты поступка прославленного генерала, хотя поэт иногда опускал факты, бросающие тень на репутацию того или иного исторического лица. Так, при изображении защиты Нижне-Озерной крепости не упоминалось по идейным соображениям то, что ее комендант Харлов был «мертвецки пьян», так как это обстоятельство разрушило бы пушкинскую модель идеального поведения офицера перед лицом опасности и смерти. Это характерный пример, о котором поэт сам рассказал царю в «Замечаниях о бунте» [Пушкин: IX (1), 371]. Детальное описание поведения Панина во время встречи с Пугачевым, вероятно, не только воссоздавало исторически полную картину. Пушкинский выбор между двумя версиями события в пользу дмитриевского изложения имел идеологический смысл. Для расшифровки в «Истории Пугачева» этого образного отпечатка действительного случая («вырвал клоч бороды») нам необходимо, по моему убеждению, обратиться к содержанию поэмы «Полтава» (1828).

Сюжет поэмы строится на пересечении двух линий: любовных перипетий Мазепы и его крестницы и измены гетмана русскому царю. Остановимся на эпизоде, в котором Мазепа объясняет свой поступок Орлику.

Давно решилась непреложно
 Моя судьба. Давно горю
 Стесненной злобой. Под Азовом
 Однажды я с царем суровым
 Во ставке ночью пировал:
 Полны вином кипели чаши,
 Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
 Смутились гости молодые...
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые

Меня с угрозой ухватил.

Тогда, смирясь в бессильном гневе,

Отмстить я клятву дал;

Носил ее — как мать во чреве

Младенца носит. Срок настал.

Так, обо мне воспоминанье

Хранить он будет до конца.

Петру я послан в наказанье;

Я терн в листах его венца:

Он дал бы грады родовые

И жизни лучшие часы,

Чтоб снова как во дни былые

Держать Мазепу за усы

[Пушкин: V, 55].

Пушкин отказался в своей поэме от принятого объяснения измены Мазепы вследствие его, как утверждали Феофан Прокопович и Голиков, любви к польской княгине Дульской, родственнице короля Станислава Лещинского. Поэт обратился к известному устному преданию о встрече Мазепы и Петра (о нем упоминал, например, Д. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей...»). Пушкину важно подчеркнуть, что предательство и решение Мазепы возглавить бунт запорожских казаков против Петра были обусловлены скорее не карьерными амбициями или политическими разногласиями, а оскорблением чести подданного со стороны монарха. Идеологическое значение встречи Мазепы и Петра, как она представлена в поэме, выявлено поэтом посредством создания детально-конкретного образа-жеста царя («Держать Мазепу за усы»).

По моему мнению, типологическая близость в изображении жестов Петра и Панина (физически агрессивных и направленных на умаление чести другого) указывает на общую функцию и смысловую наполненность этих образов-жестов в пушкинских текстах, что позволяет, очевидно, говорить об общих чертах в осмыслении феномена бунта против царской власти в обоих текстах. Не случайно, что первая и восьмая главы «Истории Пугачева», начало и конец волнения яицких казаков оказываются связанными между собой через мотив «бороды», через тему оскорбления личного достоинства, усиливая тем самым циклическую композицию «Истории». Пушкин-литератор и Пушкин-историк интерпретирует историю, преобразуя действительные факты в художественные образы и сюжеты.

Исторические факты в «Истории Пугачевского бунта» образуют художественные образы. Я рассматриваю их как семы, которые могут отделяться от конкретной исторической эпохи, приобретая тем самым качество универсальности. Исключительно источ-

никоведческая составляющая, как представляется, в комментарии недостаточна. Цель комментария заключается в выявлении принципов связи разных фактов, трансформации документальных фактов в нарративные, в определении их функций и семантики в единой идейной структуре «Истории». Такое решение проблемы предполагает обращение к всестороннему текстуальному анализу типологически близких ситуаций, что позволяет из известного исторического факта извлечь новое качество смысла.

Примечания

- ¹ Благодарю сотрудников Пушкинского Дома и в особенности М. Н. Виротайнен за возможность пользоваться неопубликованным комментарием Р. В. Овчинникова. Автор признателен Б. А. Кацу и К. Г. Боленко за ценные замечания при обсуждении статьи.
- ² Среди архивных материалов, которыми пользовался Пушкин, были «Указы» Пугачева [Пушкин: IX (2), 680–692].
- ³ Обратим внимание на сопряжение образа Пугачева с мотивом метели во второй главе «Капитанской дочки».

Литература

- Бантыш-Каменский — *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей русской земли <...> известных по участию в событиях Отечественной истории: В 5 ч. М., 1836.
- Вацура — *Вацура В. Э.* Пушкинская эпоха. СПб., 2000.
- Емельян Пугачев — Емельян Пугачев на следствии. Сб. док. и материалов М., 1997.
- Исторические песни — *Исторические песни. Баллады.* М., 1991.
- Россия под надзором — *Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869.* М., 2006.
- Овчинников — *Овчинников Р. В.* [Комментарий]. Рукопись.
- Овчинников 1980 — *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Историографическое исследование. М., 1980.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

CON AMORE

Историко-филологический сборник в честь
Любови Николаевны Киселевой

О · Г · И
МОСКВА
2010